

## ВВЕДЕНИЕ

### I

Кому сегодня придется побывать в холмистой старой части Цюриха по ту сторону Лиммата, побродить по узким, извилистым улочкам, расположенным вокруг Предигерплатц, где стоят словно бы романтически замечтавшиеся домики, тому вряд ли прежде всего подумается о том, что здесь когда-то в течение короткого срока находился взрывной центр всемирной большевистской революции. Пребывание Ленина на Шпигельштрассе, 14 было прервано 9 апреля 1917 г., его отъезд возвестил начало новой главы мировой истории.

„Предвоенный и времен войны Цюрих, — пишет бывший тогда лично знакомым с Лениным швейцарский врач и социалист Фриц Брупбахер, — являл собой невероятный хаос. На задворках у 200 000 цюрихских буржуа и обуржуазившихся рабочих толпились тысячи душ, собравшихся из всех господствующих стран: русские меньшевики и большевики, революционные синдикалисты и анархисты из Италии, Польши, Германии, России, Австрии. Бациллы поражающих идей Маркса, Бакунина так и носились в воздухе. Все, что в Европе находилось в состоянии брожения, слало сюда, в Цюрих, хотя бы одного из своих представителей в красный союз наций”<sup>1</sup>.

И вот еще одна картинка: карикатура в парижской газете „Матэн” от 17 апреля 1917 г., день спустя после прибытия Ленина в Петербург из Швейцарии. На ней изображены два немецких солдата с винтовками «на караул» перед купе поезда-люкс. „Ты знаешь, Ганс, — спрашивает один из них, — кто путешествует в этом поезде-люкс? Второй отвечает: необычайно симпатичные русские анархисты”<sup>2</sup>.

Минуло сорок лет со времени поездки Ленина из Цюриха в Петербург. „Запломбированный” вагон давно стал понятием, которое с самого начала было окутано вуалью таинственности и легендами. Еще в 1920 году Ландау-Алданов говорил, что „эта сенсационная поездка, предпринятая Лениным, привлекла к нему внимание всего мира”<sup>3</sup>. Вилли Мюнценберг, который тогда шел с Лениным рука об руку, добавляет: „Несомненно, редко кто из путешественников имел столь решаю-

щее влияние на развитие истории, как те, которые под руководством Ленина оставили 9 апреля 1917 г. Цюрих и поехали через Германию в Петербург”<sup>4</sup>.

Предание это, однако, особого рода. Те, кто в действительности был ответствен за эту поездку и в решающей мере участвовал в ее подготовке, совсем не спешили поделиться своими воспоминаниями с общественностью; в данном случае вполне правомочно говорить о „заговоре молчания”.

Стоит лишь привести скудные заметки современников — в том их виде, в каком эти заметки о поездке Ленина существуют до сих пор, — тут же становится ясным, сколь различными были суждения об этом событии. Масарик, к примеру, считает, что „Ленин был логическим следствием русской алогичности. В данном случае plombированы ли германские вагоны или нет — не суть важно”<sup>5</sup>. Стефан Цвейг, напротив, полагает, что проезд в „опечатанном поезде” — это „звездный час человечества”<sup>6</sup>. В свою очередь, Уинстон Черчилль подчеркивает, что немцы применили против России „самое страшное оружие”. Они „транспортировали Ленина из Швейцарии в Россию в plombированном вагоне как чумную бациллу”<sup>7</sup>. Иначе опять-таки рассматривает переезд Ллойд Джордж. По его мнению, возможностью своего возвращения Ленин обязан любезности немецких военных властей, которым верилось, что с его помощью им удастся нарушить единодушие русского народа. Расчет немецких властей был вполне правильным. „Но какой ценой приходится Германии расплачиваться и по сегодня за тот кратковременный триумф!”<sup>8</sup>. И наконец, версия Троцкого: в случае с переездом Ленина „скрестились в одной точке два совершенно противоположных плана”, и этой точкой стал „plombированный вагон”<sup>9</sup>.

В связи с проездом Ленина через Германию особо отмечается личная роль Людендорфа. Так, уже Максимилиан Гарден в своей критической статье „Путь в Миргород”, опубликованной в 1920 году, указывает, что позволение, данное Ленину на переезд со стороны Генерального штаба, явилось „наиважнейшим решением” за все четыре года войны. „Никогда еще озорство истории не выказывало себя в столь серьезных обстоятельствах: при лихорадочно-бурной деятельности всех социалистических партий во всем мире всеми ими совместно было для дела революции содеяно дай бог одна сотая доля того, что совершил для нее прусский генерал Людендорф”<sup>10</sup>.

Иного мнения придерживается Маргарита Людендорф, первая супруга генерала. Ответственность за транспортировку Ленина и его товарищей, считает она, несет депутат рейх-

стага от партии Центра Эрцбергер; он сам хвастался ей о своем участии в этом событии. „Позже, — заключает Маргарита Людендорф, — когда у нас разразились беспорядки, на Людендорфа возложили вину за возникновение революции как в России, так и в нашей стране. Но я совершенно точно знаю — он лишь безмолвно терпел провоз Ленина и Троцкого. Идея исходила от Эрцбергера”<sup>11</sup>.

Со своей стороны, Людендорф всегда упорно отвергал обвинение в ответственности его за содействие проезду Ленина. „В связи с отправкой Ленина, — подчеркивает он в своих „Воспоминаниях о войне”, — сугубую ответственность взяло на себя немецкое правительство”, — но тут же считает нужным заметить — „а все же мы тоже не оказались в проигрыше”<sup>12</sup>. Несколько позже Людендорф поясняет: ввиду ограниченности военных средств Верховное главнокомандование не могло тогда отказаться от помощи рейхсканцлера, „даже от столь сомнительного и опасного ее вида, как доставка Ленина и его товарищей в Россию”. Если теперь со стороны социал-демократов высказываются упреки рейхсканцлеру и Верховному главнокомандованию за то, что „Ленину была дана возможность поехать в Россию”, то сие свидетельствует лишь „о собственной нечистой совести”<sup>13</sup>.

О содействии социал-демократов предстоящей поездке Ленина было среди прочих известно Виктору Науману, доверенному лицу графа Гертлинга. Он же в свою очередь называет одного из руководителей „социалистического большинства” д-ра Парвус-Гельфанда, поясняя, что это он, Парвус-Гельфанд, когда усилия немецкой стороны добиться мира с правительством Керенского оказались безрезультатными, допустил ошибку, а именно: предложил „с согласия рейхсканцлера и Генерального штаба перебросить находящихся в Швейцарии большевиков в Россию, с тем чтобы они там выступали за заключение мира”<sup>14</sup>. Что дело обстояло именно так, находит свое подтверждение у Шейдемана: поездка Ленина и его приверженцев являлась „делкой” д-ра Гельфанда, о которой он информировал лишь немногих<sup>15</sup>. Сам Гельфанд в сочинении „В борьбе за правду”, написанном им в свою защиту в апреле 1918 года, разумеется, обходит этот вопрос. Он довольствуется замечанием, что, когда разразилась революция в России, немецкая социал-демократия, „естественно, сделала все, что могла, чтобы помочь русским эмигрантам перебраться в Россию”<sup>16</sup>.

Наконец, тут всплывает имя графа Брокдорфа-Ранцау, тогдашнего немецкого посла в Копенгагене. Его биограф со-

общает: деятельность посланника при организации поездки Ленина в Россию ограничивалась „лишь исполнением полученных приказов, одобренных Верховным главнокомандованием, о благоприятствовании поездке большевистских вождей”<sup>17</sup>. Напротив, сам рейхсканцлер фон Бетман-Гольвег по этому поводу хранит полное молчание<sup>18</sup>. Но опубликовано мало материалов и с русской стороны о подоплеке, предпосылках и внутренних взаимосвязях поездки Ленина. Впрочем, существуют некоторые личные записи жены Ленина, его сотрудников и спутников по поездке Зиновьева и Радека, французского социалиста Анри Гильбо, а также большевистского агента в Стокгольме Фюрстенберга-Ганецкого<sup>19</sup> и, кроме того, публикация отдельных союзнических документов о поездке Ленина<sup>20</sup>. И все же два последних официальных советских издания биографии Ленина обходятся, касаясь его поездки, немногими ничего не значащими словами<sup>21</sup>. Правда, самим Лениным написан отчет, озаглавленный: „Как мы доехали”<sup>22</sup>. Но в этом отчете больше рассказано о внешнем ходе событий переезда и его подготовки. Позже во II Ленинском сборнике был напечатан ряд русских документов, включавших отдельные сведения о предыстории и проведении поездки Ленина<sup>23</sup>.

В ряду появившихся до настоящего времени публикаций, касающихся этой темы, наиболее содержательной является книга, изданная в 1924 году швейцарским социалистом Фрицем Платтенем „Проезд Ленина в plombированном вагоне через Германию”. Платтен, будучи доверенным лицом Ленина и ответственным за проезд, вел по его поручению переговоры о технической стороне подготовки поездки с немецкими инстанциями. Его подтвержденный документами рассказ появился в соответствии с пожеланием Ленина, чтобы с правдивой достоверностью осветить ход этой поездки; толчком тут послужила статья Гардена „Путь в Миргород”<sup>24</sup>. Публикация Платтена одновременно явилась отражением позиции Ленина по данным проблемам. Но все, что появилось в печати по этому поводу, нельзя, однако, считать достаточным, чтобы объяснить происходившие события с желаемой точностью. Это почувствовал уже Рихард Фестер, когда он в другой связи коснулся вопроса о появлении разрешения на проезд Ленина через Германию и охарактеризовал документированную историю этого разрешения как „исторический постулат”<sup>25</sup>.

Отсюда следует, что стоит начать новые поиски. Благодаря тому, что Дирекция Департамента исследований Министерства иностранных дел Великобритании в Лондоне (Direc-

tion Research Departament de British Foreign Office) изъявила желание пойти нам навстречу, возникла возможность получить и изучить главные документальные источники, относящиеся к поездке Ленина, а именно документы Министерства иностранных дел Германии, в основном материалы Главного архива и Архива кайзеровского германского посольства в Берне.

Немецкие документы — до настоящего времени были известны только более позднего периода, которые просмотрены профессором Катковым (Оксфорд)<sup>26</sup>, — позволяют теперь во взаимосвязи с имеющимися публикациями дать ответ на некоторые вопросы, которые можно разделить на две группы проблем:

1. Политическая подоплека и предыстория: какие точки зрения были определяющими для реализации поездки Ленина? От кого исходила инициатива, кто, собственно, ответствен за разрешение и проведение этой поездки?

2. Частности поездки: дипломатическая и техническая подготовка. Участники, организация транспорта. Как все в целом происходило на самом деле, что является легендой и что — истиной?

## II

При освещении первой группы проблем надо исходить из особого характера немецко-русских отношений, сложившихся к августу 1914 года. Немецкая сторона пыталась заблаговременно вступить в переговоры с царской Россией, с тем чтобы с помощью сепаратного мира выволить ее из объятий Антанты. Одновременно Германия следит и за внутренними обстоятельствами жизни царской империи, особенно за развитием революционной оппозиции не только в самой России, но и в эмиграции<sup>27</sup>.

В то время, как происходившие в 1915—1916 годах немецко-русские зондирующие переговоры о мире, из-за отсутствия с обеих сторон ярко выраженного военного превосходства, не привели ни к каким позитивным результатам<sup>28</sup>, немецкий посол в Берне барон Гисберт фон Ромберг уже в сентябре 1914 года устанавливает первые контакты с русскими революционерами в Швейцарии. Его доверенное лицо — эстонец Александр Эдуард Кескюла — от имени этих революционеров ставит перед Ромбергом вопрос о позиции Германии в отношении будущей революции в России: не пойдет ли она на мирные переговоры с правительством, которое тогда окажется у власти, и не бросит ли она русских революционеров на

произвол судьбы? Высказываться по этому вопросу немецкое правительство на первых порах избегает<sup>29</sup>.

И все же посол фон Ромберг продолжает и дальше получать донесения Кескюла об организациях, идеях и деятельности русских революционеров в Швейцарии. Вскоре в этой связи возникает имя Ленина. Донесение Кескюла от 25 марта 1915 г. (которое посол незамедлительно переправляет Бетман-Гольвегу) содержит данные о собрании русских „революционеров ленинского направления” и их решениях, в том числе о превращении империалистической войны в гражданскую, о создании нелегальных подпольных организаций повсеместно там, где правительство и буржуазия объявили о введении военного положения и отменили конституционные свободы, о поддержке братания солдат на фронте и вообще массовых выступлений пролетариата, приветствуется поражение царской монархии. По этому поводу посол замечает лишь, что для Германии наиболее важным представляется решение, „касающееся создания тайных нелегальных организаций”, а также положений, „согласно которым собрание высказалось за поражение России”<sup>30</sup>.

В официальной памятной записке „Внутриполитическое положение России” от июля 1915 года Кескюла обращает также внимание на опасности, таящиеся в огромности России и ее модернизации. Наличие необъятных природных ресурсов позволит ей быстро превзойти Германию в экономическом и военном отношении. В этой связи он вновь указывает на Ленина и „энергичную деятельность революционных организаций” как на противовес опасности появления правительства „кадетов”<sup>31</sup>.

В заключительной части записки Кескюла доводит до сведения немецкого посла семь главных, выделенных из программы Ленина, пунктов: установление республики, конфискация помещичьих земель, введение восьмичасового рабочего дня, предложение мира без оглядки на Францию, отказ Германии от аннексий и военных контрибуций, а России — от Константинополя и Дарданелл, вступление русской армии в Индию.

Основываясь на этом, посол фон Ромберг создает целую концепцию последующих действий, проведение которых он в подробном письме от 30 сентября 1915 г. представляет на рассмотрение рейхсканцлера: ленинская программа, будучи использована „в неприятельских странах”, особенно во Франции, может оказать „неоценимую услугу”. Конечно, это должно быть „осуществлено совершенно секретно”, чтобы заста-

вить поверить, будто бы „уже начаты успешные переговоры с могущественными русскими кругами”. Достижение мира — ведущая идея Ромберга. Программу Ленина, считает он, необходимо подкинуть французской оппозиции, чтобы благодаря „перспективе сепаратного мира Германии с русской демократией всецело восторжествовать над господином Делькасе... и что в свою очередь сыграет нам на руку в пользу заключения сепаратного мира”<sup>32</sup>. Однако немецкое ответственное ведомство уклоняется от этого плана, так как из-за чьей-либо болтливости французское правительство могло бы заранее узнать о нем<sup>33</sup>.

Информация о русской революции и ее вождях поступали также от немецких послов в Копенгагене и Стокгольме — графа Брокдорф-Ранцау и барона Люциуса фон Штётена. В августе 1915 года граф Брокдорф-Ранцау телеграфирует Министерству иностранных дел о том, что Парвус-Гельфанд поставил его в известность о возрастающих „волнениях” в русских войсках<sup>34</sup>. В сентябре 1915 года барон фон Люциус, со своей стороны, информирует рейхсканцлера о трех основных течениях в среде русских революционеров: на одном крыле находится Плеханов, важнейшей целью которого является уничтожение немецкого милитаризма; на противоположном полюсе — Ленин, для которого война против Германии — ничто, борьба с царизмом означает все. Он откровенно желает поражения России. Наконец, имеется еще „середина”, к ней принадлежит Аксельрод<sup>35</sup>.

В немецких документах все в большей мере на первом плане оказывается личность Ленина. В послании от 10 марта 1917 г., то есть за несколько дней до начала Февральской революции в России, посол фон Ромберг направляет рейхсканцлеру два номера „Социал-демократа” — „центрального органа партии господина Ленина”, а также брошюру, написанную „господином Лениным”. Кроме того, посол в связи с этим говорит и об указанном ему Кескюла „недавно изданном под редакцией господина Ленина журнале”, который, по его словам, „содержит очень интересный материал” и вышел под названием „Сборник социал-демократа”<sup>36</sup>.

В целом отношение кайзеровской Германии к русским революционерам в изложенном отрезке времени может быть охарактеризовано так: немецкое правительство держится выжидательно, но в то же время стремится к установлению связей с революционерами, чтобы постоянно быть в курсе их взаимоотношений. С именем Ленина и его важнейшими идеями рейхсканцлер был ознакомлен заблаговременно. Достоинно

внимания появление затем плана посла фон Ромберга, в котором уже в 1915 году предлагается ради достижения целей, выгодных в Германии, воспользоваться программой Ленина для воздействия на Францию. В той же плоскости находятся замечания кайзера Вильгельма II, сделанные им в памятной записке от 7 августа 1916 г. по поводу внутреннего положения России: „Важно — чисто с военной точки зрения — с помощью сепаратного мира отколоть какого-либо военного противника от союзной Антанты, чтобы всю нашу военную мощь обрушить на остальных... Только когда внутренняя борьба в России за мирный договор с нами обретет достаточное влияние, мы сможем соответственно рассчитать наши военные планы”<sup>37</sup>.

### III

С началом Февральской революции в России, 14 марта 1917 г. по новому стилю, кайзеровская Германия и русские революционные эмигранты, подталкиваемые взаимной надеждой на мир, вынужденно идут к более тесному сближению<sup>38</sup>.

Сначала в Германии приветствуют эту революцию, руководимую преимущественно либеральной буржуазией западной ориентации. Революция расценивается как „подлинный божий дар” (Штампфер). Бетман-Гольвег мгновенно ощутил „неслыханное значение события” и подчеркнул тот факт, что отныне обстановка изменилась в пользу Германии. Особенно немецкие социалисты, по словам Шейдемана, „с пылкой симпатией” приветствуют русскую революцию. Ввиду разрыва дипломатических отношений с Соединенными Штатами и несомненно скорого вступления их в войну заключение сепаратного мира с Россией можно ли не считать настоящим требованием момента? „В военном отношении, — как судит генерал Людендорф всего несколько недель спустя после переворота в России, — следует оценить русскую революцию только как выгодную для нас. Ее последствия сказались на нашем военном положении так счастливо, что нам нет больше нужды считаться с возможностью наступления со стороны русских, и мы уже сейчас можем оттянуть наши силы... Если в дальнейшем ситуация на Востоке станет еще легче, — заключает он, — мы сможем снять оттуда еще бóльшие силы... С таким пополнением мы уравнием соотношение сил на Западе в нашу пользу. Следовательно, мы вправе с большей уверенностью смотреть на наше положение в будущем”<sup>39</sup>.



Однако действительно ли столь обоснованна уверенность Людендорфа? Временное правительство в Петербурге под руководством князя Львова, Милюкова, Керенского и Гучкова, на первых порах в своей деятельности почти не встречая препятствий со стороны весьма влиятельного, также находящегося в Петербурге Совета рабочих и солдат во главе с Чхеидзе, тотчас объявило, что оно во исполнение подписанных союзнических договоров царского правительства будет продолжать войну на стороне Антанты до победного конца. Стало быть, о сепаратном мире с Германией не может быть и речи.

Тем не менее немецкое кайзеровское государство, принимая во внимание развитие военных событий на Западе, в особенности возрастание готовности Соединенных Штатов вступить в войну, а также по внутривластным причинам, в частности из-за усиливающегося сопротивления войне социалистов, было вынуждено добиваться с к о р е й ш е г о мира с Россией. О том, перед какой проблематикой были отныне поставлены руководители немецкой политики, какова мера их ответственности за принимаемые решения, нигде, вероятно, не было обрисовано со столь впечатляющей полнотой и одновременно трезвостью, как в „совершенно секретной” памятной записке графа Брокдорф-Ранцау, направленной им 2 апреля Министерству иностранных дел. В ней говорится, что ввиду революции в России для Германии существует лишь две возможности: либо она в состоянии в военном и в экономическом отношении до осени успешно продолжать войну, либо сделать это не в ее силах. Первая возможность для Брокдорф-Ранцау является решающей. „В этом случае, — продолжает он в духе концепции „разрушения” России, — мы непременно теперь же должны искать пути для создания в России возможно большего хаоса. Для достижения этой цели нам следует избегать всякого заметного извне вмешательства в ход русской революции”. Затем немецкий дипломат со всей откровенностью развивает в своей памятной записке ее наиболее важную мысль: „По моему мнению, нам необходимо, напротив, сделать все возможное, чтобы исподволь и скрытно углубить противоречия между умеренными и крайними партиями; ведь мы наиболее заинтересованы в том, чтобы последние одержали верх, ибо тогда переворот станет неизбежным и обретет формы, которые должны потрясти основы существования русской империи”. В немецких интересах, подчеркивает Брокдорф-Ранцау, предпочтительнее покровительствовать крайним элементам, „ибо вследствие этого будет осно-

вательнее проведена работа и скорее завершится дело”. „Можно считать, что, по всей вероятности, через какие-нибудь три месяца в России произойдет полный развал, и в результате нашего военного вмешательства будет обеспечено крушение русской мощи”<sup>40</sup>.

Таким образом, практически очерчена основная концепция немецкой политики в отношении России, проводившаяся с весны 1917 года и до мирных переговоров в Брест-Литовске. В подобном же духе высказывается и Виктор Науман. В письме к графу Гертлингу от 29 марта он говорит, что Германия „подошла к решающему моменту войны” и что непозволительно было бы упустить „прямо-таки неправдоподобную удачу... ее надо ухватить за кончик хвоста”<sup>41</sup>. Принимая во внимание события в России, следовало бы „усвоить мысль Бисмарка о том, что если речь идет о спасении отечества, то любому союзнику говори — добро пожаловать”<sup>42</sup>.

С другой стороны, Ленин со своими соратниками, находясь в Цюрихе, узнает, что внезапно началась Февральская революция. И хотя он предвидел это событие, тем не менее оно его застало врасплох. Теперь „Ленин, — по словам Троцкого, — неистовствовал в цюрихской клетке, изыскивая пути выхода”<sup>43</sup>. По выражению Парвус-Гельфанда, „он сидит в Швейцарии почти полностью отрезанный от России”<sup>44</sup>, „закупоренный, как в бутылке”<sup>45</sup>. Роберт Гримм в своих воспоминаниях рассказывает: „Ленин был искристо деятелен. Он вел конспиративную переписку во всех направлениях. В первую очередь он восстанавливал тайные связи с революционерами в России, писал русским эмигрантам, развеянным всеми ветрами по миру, давал указания, советовал, разрабатывал тезисы и резолюции”<sup>46</sup>. По его мнению, ничего не могло бы быть хуже, чем допустить в России создание легальной рабочей партии, да к тому же еще, возможно, возглавляемой находящимися там социал-демократами, такими как Чхеидзе. Поэтому Ленин теперь ведет все усиливающийся огонь против подобных социал-демократов. Возникновение новой парламентарно-реформистской партии в России означало бы ориентацию на II Интернационал и перекрестило бы концепцию мировой революции. Исходя из этого тактического соображения, Ленин пропагандирует теперь идею Советов<sup>47</sup>.

Так с этого дня — 17 марта 1917 г. — Ленин не знает больше ни минуты покоя; в самый кратчайший срок ему нужно добраться до России, он всецело живет новыми событиями, пишет „Письма из далека”, выступает перед общественностью, разъясняя основные причины и предпосылки русской револю-

ции<sup>48</sup>. Но как итог всех его речей звучит одно: „...мы должны ехать, даже если наша дорога лежит через ад”<sup>49</sup>.

В этот напряженный момент совпадения кайзеровско-немецких и русско-революционных интересов на сцене появляется д-р Александр Парвус-Гельфанд — уроженец России, социалист-революционер, участник революции 1905 года, а теперь член руководства СДПГ, доверенное лицо графа Брокдорф-Ранцау и советник немецкого правительства, которое охотно к нему прислушивается по вопросам русской революции. Как отзывается о нем Конрад Хаенши<sup>50</sup>, Парвус — это „сенатор эпохи Ренессанса”, „умнейшая голова II Интернационала”, человек большого духовного богатства, который, по словам Виктора Наумана, „на теле слона носит голову Сократа”; правда, в многогранной деятельности этой неоднозначной личности, концептуальное мышление категориями мировой политики уживается с ярко выраженными чертами крупного спекулянта или торговца оружием, во всяком случае, эта противоречивость находится в странном единстве<sup>51</sup>.

Парвус-Гельфанд, будучи лично знаком с Лениным, посетил его в последний раз в 1915 году в Швейцарии. Теперь Парвус выступает за победу центральных держав. Осуществление социализма ему видится в „двойственном союзе прусского штыка и русского пролетарского кулака”. „Я хотел, — пишет он в декабре 1919 года, — победы центральных держав, потому что намеревался предотвратить реакцию победоносного царизма и империализма Антанты, а также предполагал, что в победоносной Германии социал-демократы были бы достаточно сильны, чтобы изменить режим”<sup>52</sup>.

Фриц Кахен, личный секретарь графа Брокдорф-Ранцау, снабжает Парвус-Гельфанда рекомендацией к Бетман-Гольвегу, которая поддерживается Эрцбергером и бароном фон Мальтцаном из Министерства иностранных дел; всего несколько дней спустя после переворота в России Парвус-Гельфанд, действуя в духе вышеприведенной концепции, предлагает рейхсканцлеру отправить Ленина через Германию в Петербург. Демократическая Германия, доказывал Парвус, должна сейчас протянуть руку мира демократической России; при этом можно рассчитывать только на русскую социал-демократию, которая способна проявить подлинную готовность к миру. Но ее собственные вожди сидят в качестве эмигрантов в Швейцарии; им нужно теперь же разрешить проезд через Германию. Парвус-Гельфанд, хотя у него и нет единодушия с Лениным в основополагающих вопросах революции, тем не менее верит, что большевистский вождь, как „намного более реши-

тельный человек”, чем Чхеидзе или Керенский, „отстранит их и без промедления будет готов пойти на мир”<sup>53</sup>.

Граф Брокдорф-Ранцау оказывает поддержку этому плану. 5 апреля он просит статс-секретаря Министерства иностранных дел Циммермана „благосклонно лично принять” Парвус-Гельфанда, обосновывая свою просьбу так: „Я полагаю, что недавнее обострение дел в России является очень важным для окончательного определения всего нашего будущего; по моему убеждению, неизбежно должны быть приняты радикальные решения, с тем чтобы в итоге обеспечить нам победу”. Мне хорошо известно, говорит Брокдорф-Ранцау, рисуя облик Парвус-Гельфанда, что „характер его, по мнению современников, неустойчив; однако, — добавляет он успокаивающе, — его связи в России, на мой взгляд, могут теперь иметь решающее значение для развития всей ситуации в целом”. Ведь Гельфанд был в России „одним из первых, кто работал для успеха, достигнутого теперь”<sup>54</sup>.

Взаимодействие Парвус-Гельфанда и графа Брокдорфа — свидетельство тому, что время это было переходным. Старый революционер все свои чаяния связывает все-таки с немецкой военной силой, он надеется, что с победой Германии царизм падет. Неразборчивый в средствах, он сближается с консерватором, свободным от предрассудков, связывает себя с ним совместностью действий, отменяя ради достижения цели все идеологические расхождения.

Однако еще до приведенного письма Ранцау немецкая сторона уже вела совершенно секретно переговоры о возможном проезде русских революционеров через Германию. Позже, 11 апреля, Бетман-Гольвег лично докладывал кайзеру, что незамедлительно после начала русской революции им было указано послу в Берне: „Установить связь с проживающими в Швейцарии политическими изгнанниками из России с целью возвращения их на Родину, — поскольку на этот счет у нас не было сомнений, — и при этом предложить им проезд через Германию”<sup>55</sup>.

Как это было и в практике предыдущих лет, такого рода связь устанавливается через посредников: например, хотя обстоятельства этого случая не совсем ясны, речь может идти о безрезультатной миссии в Цюрихе агента Парвус-Гельфанда Георга Склярца (после войны он стал известен как спекулянт)<sup>56</sup>, которого Ленин, по выражению Платтена, не долго думая, выставил за дверь как „дешевого шпика немецкого правительства”<sup>57</sup>.

Однако решающая предпосылка для предстоящей немец-

ко-большевистской „совместной акции” возникла в результате соответствующей позиции созданного с первых же дней русской революции „Центрального Комитета по возвращении на родину проживающих в Швейцарии русских эмигрантов”, который объединил в общей сложности 560 революционеров всех направлений, стоявших на платформе Циммервальдской конференции<sup>58</sup>. Революционеры стремятся домой, ибо с началом Февральской революции Россия становится „местом массового паломничества”<sup>59</sup>.

Представители всех участвовавших в Циммервальде русских и польских партий собираются вместе 19 марта, чтобы обсудить план, предложенный проживающим в Париже меньшевиком Мартовым. Сообразно с этим планом должен быть избран путь возвращения через Германию, ибо о другом, по всей вероятности, не могло быть и речи ввиду вполне очевидного отрицательного отношения Антанты, а также из-за угрозы нападения подводных лодок на морских путях. В качестве компенсации немецкому правительству следовало бы предложить возвращение на родину из России интернированных немцев и австрийцев. Швейцария официально посредничать не может, так как существует опасность, что Антанта усмотрела бы в этом нарушение ею нейтралитета. Часть более умеренных эмигрантов желает получить сперва ответ из Петербурга или дождаться официального приглашения от Керенского. Но руководящие лица настаивают на немедленном возвращении домой. Живущий поныне в Берне швейцарский социалист, национальный советник Роберт Гримм облекается доверием вести переговоры. Они должны проходить в величайшей секретности. Но возникает неприятность: Гримм узнает, что об этих договоренностях было сообщено Мартову и другим членам парижской группы. Ему приходится опасаться, что кое-что может стать достоянием гласности и скомпрометировать Швейцарию<sup>60</sup>. Она же между тем крайне заинтересована выпроводить этих опасных гостей, а также в том, чтобы не потерять шанс на европейский мир. И хотя Швейцария не утратила своих первоначальных опасений, она все же деятельно, но скрытно включилась в осуществление этого плана. Поэтому Гримм ведет переговоры как с федеральным советником Политического департамента в Берлине Гофманом, так и с немецким послом<sup>61</sup>.

Уже 23 марта Ромберг телеграфирует в Министерство иностранных дел, что, по сообщению Гофмана, выдающиеся русские революционеры выражают желание вернуться в Россию через Германию. Они опасаются, что, выбрав путь через Францию и следуя дальше морем, они могут подвергнуться нападению

подводных лодок<sup>62</sup>. В тот же самый день это важное сообщение было препровождено Верховному главнокомандованию в Кройцнах с соответствующим ходатайством. Два дня спустя Главнокомандование дает свое согласие: „В отношении проезда русских революционеров нет никаких сомнений, если они будут отправлены одним общим транспортом с надежным сопровождением”<sup>63</sup>.

В представленных ниже документах условия, поставленные высшими военными службами в связи с пропуском революционеров через Германию, не находят отражения. Все же начальник Отдела III b (служба информации, контрразведка) Генерального штаба полковник Николай позже заявил, что первоначально Верховное главнокомандование возражало против плана Министерства иностранных дел<sup>64</sup>.

Вскоре Генеральный штаб занялся транспортно-техническими приготовлениями. Сомнения высказываются в основном лишь в отношении технических и „тактических” вопросов. Так, например, вызывает сомнение, будут ли революционеры, известные как противники войны вообще, пропущены финскими пограничными властями, вместе с которыми везде работают английские наблюдатели-контролеры. Но прежде всего, полагает Генштаб, надо всячески избегать „компроматации” уезжающих „слишком большой предупредительностью с нашей стороны”.

Тем временем революционеры, действуя в соответствии с принятым ими решением от 19 марта, сами установили контакты с немецкими учреждениями. Так, председатель комитета Семковский лично через директора Швейцарского телеграфного пресс-агентства Вальца зондирует почву у немецкого посла в Берне. Кроме того, Роберт Гримм знакомит с проектом поездки эмигрантов швейцарский Политический департамент. Там советуют, чтобы представители комитета установили связь непосредственно с немецким послом в Берне. Сам же посол, будучи поставлен в известность о переговорах Гримма с Гофманом, 31 марта получает указание Министерства иностранных дел о том, что он уполномочен разъяснить представителям, в каком духе регулируется этот вопрос Генштабом<sup>65</sup>.

#### IV

В ходе общих переговоров между немецкими правительственными службами и представителями эмигрантского Цент-

рального Комитета поездка Ленина объективно выделяется в качестве особой акции.

Ввиду выжидательной позиции части эмигрантов, не желавших ехать через Германию без согласия на это петербургского правительства, Ленин решает действовать на свой страх и риск. Каждый миг дальнейшего пребывания в Швейцарии для него нестерпим, он считает „пыткой сидеть здесь в такое время”; тем более, что ему наперед известно, что „Англия... ни за что не пропустит ни меня, ни интернационалистов вообще, ни Мартова и его друзей, ни Натансона и его друзей”<sup>66</sup>.

По инициативе Радека швейцарский корреспондент газеты „Франкфуртер цайтунг” д-р Дейнгард и немецкий левый социалист Пауль Леви установили контакт с послом фон Ромбергом. Благодаря этому Ленин получает доказательство, сколь безотлагательной представляется немецкой стороне именно его поездка<sup>67</sup>. Таков и смысл послания немецкой контрразведки от 30 марта Министерству иностранных дел со ссылкой на донесение одного свсего агента. „Для Германии, — говорится в этом послании, — предпочтительнее был бы провоз сторонников партии Ленина, максималистов и большевиков”<sup>68</sup>.

Подготовка к поездке Ленина происходит в течение немногих дней. 1 апреля большевистский вождь расстается с Гриммом, которого он заподозрил в попытке „намеренно помешать быстрому возврату на родину большевистской группы”<sup>69</sup>. Он выбирает своим доверенным лицом швейцарского левого социалиста Фрица Платтена, о котором у него, правда, „нет хорошего мнения”, но которого, тем не менее, ценит как революционера<sup>70</sup>. После некоторых сомнений Платтен сообщает, что он готов вести переговоры с немецкими властями и взять на себя роль руководителя транспорта с революционерами. Эрнст Нобс, швейцарский социалист и позже федеральный советник, добавляет к сему: «Когда я спросил Фрица Платтена, как это он согласился, чтобы договариваться с немецким посольством о поездке Ленина и его спутников через германскую империю в то время, как до этого разговор шел о Роберте Гримме, которому эти переговоры предстояло уладить, Платтен ответил: „Тебе ведь известно, что Гримм не большевик, он, напротив, политический противник большевиков, и Ленин поэтому передумал”»<sup>71</sup>.

С немецкой стороны едва могли дожидаться, когда Ленин будет готов к выезду, так как Антантой, по-видимому, уже ведется в Швейцарии „контробработка”. Ромберг, со своей стороны, нетерпеливо ожидает какого-либо знака от револю-

ционеров: „Очевидно, что они опасаются скомпрометировать себя в Петербурге”<sup>72</sup>.

В самом деле, последняя фраза посла передает истинную причину задержки отъезда. Конечно, Ленину, прежде чем решиться поехать через Германию, необходимо обезопасить себя от возможных атак своих противников, их обвинений в том, что он — „немецкий агент”. Ему приходится тщательно, со всех сторон — как юридически, так и политически — оградить себя.

Юридическое обеспечение поездки заключалось в формулировке особых ее условий<sup>73</sup>, важнейшие из которых следующие:

1. Платтен — ответственный руководитель транспорта. Он единственный, кто ведет переговоры с немецкими органами; без его разрешения никто не имеет права войти в вагон, который должен быть постоянно заперт.
2. Этот вагон пользуется правом экстерриториальности. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее не должна происходить проверка паспортов или личностей.
3. К поездке допускаются лица совершенно независимо от их политического направления, особенно их взглядов на вопрос о войне и мире.
4. Немецкой стороной разрешение на проезд дается на основе обмена уезжающих на немецких и австрийских граждан, находящихся в плену или интернированных в России.

Ленин — многоопытный юрист по призванию — сам набросал эти пункты; едва ли стоит подчеркивать, сколь тщательно они продуманы в подробностях. Троцкий в этой связи указал на то, как у Ленина здесь взаимно все связано: „смелость проекта и точный расчет в осуществлении”. „В этом великом революционере жил педантичный нотариус, который, однако, знал свое место и приступал к составлению своего акта в тот момент, когда это могло помочь делу ниспровержения всех нотариальных актов”<sup>74</sup>.

4 апреля Платтен передает условия Ленина послу фон Ромбергу. Найдя удачный момент, он обращает его внимание на то, что „дела в России” принимают „опасный оборот для дела мира”; поэтому следует „сделать все, чтобы без малейшего промедления доставить в Россию находящихся здесь социалистических руководителей, влияние которых там велико”<sup>75</sup>. За тем швейцарский социалист комментирует отдельные условия, которые немецкий посол, за немногим исключением, „молчаливо” принимает<sup>76</sup>. Как на „ультимативное



условие” Платтен указывает на пункт об экстерриториальности; ввиду возможной в будущем клеветнической кампании сторонников Антанты следует при всех обстоятельствах избегать контактов между немцами и едущими эмигрантами.

Ленин практически диктует условия немецкому правительству. Факт этот отражен в замечании Ромберга Платтену примерно так, что-де не в дипломатических традициях, чтобы частные лица предписывали правительству государства, каким способом должен осуществляться проезд через его страну<sup>77</sup>. Тем не менее посол рекомендует Берлину дать срочно, в тот же день, разрешение на принятие поставленных условий: „Учитывая недоверчивый характер русских, которые сначала не хотели верить в возможность безопасного проезда, бесцеремонность контрдействий со стороны Антанты, а также отсутствие единства мнений эмигрантов”, все же существует опасность, что они „опять передумают”<sup>78</sup>.

Ленин чувствует, что время действительно чрезвычайно поджимает: широкая легализация русского рабочего движения могла бы полностью погубить его концепцию. С другой стороны, не только ленинские решительные меры привели к достижению мира. В тот момент боевая мощь русской армии была подорвана тем, что мобилизованный крестьянин начинает стремиться домой, чтобы не прозевать ранним летом 1917 года раздела земли. Теперь, когда царь после отречения от престола забыт, ничто не могло бы больше препятствовать земледельцу овладеть своей частью помещичьей земли и скота. И стало быть, немецкая комбинация уже в зародыше ошибочна.

Но берлинские службы этого предусмотреть не могли, и поэтому 7 апреля дают согласие на ленинские условия. Делается лишь оговорка, что Вильгельм Янсон, член Генеральной комиссии немецких профсоюзов<sup>79</sup>, будет по ее поручению сопровождать этот транспорт. Уже за два дня до этого — в ответ на доклад Ромберга от 4 апреля — Министерство иностранных дел переслало послу и предписания Генерального штаба.

Платтен утверждает в качестве руководителя транспорта революционеров.

В одной из последних бесед Ромберга с Платтенем посол передает руководителю транспорта Ленина согласованный ответ, содержащий и подробный регламент поездки. Платтен тут же выражает протест против привлечения Янсона, но Ромберг просит его „не относиться к этому как к вопросу, имеющему какое-либо принципиальное значение”, и дает понять, что такой отказ повлечет за собой „новые расспросы в Берлине”<sup>80</sup>. Швейцарский социалист, со своей стороны, сообщает

послу, что группа Ленина в составе около 20 человек к отъезду уже готова. Пользуясь случаем, Ромберг пытается зондировать почву, то есть выведать, как относятся в лагере революционеров „к осуществлению подготовки мирных акций”. Однако последний уклоняется от ответа: он, дескать, уполномочен мандатом „исключительно на регулирование чисто технических вопросов”<sup>81</sup>.

День 7 апреля застаёт Ленина за последними важными приготовлениями к отъезду. В этот день руководящие социалисты „интернационального” направления из Германии, Франции, Польши, Швейцарии, Швеции и Норвегии подписывают „Заявление” с целью обеспечить политическую гарантию большевистскому вождю. Едущие возвращаются в Россию, „чтобы служить там делу революции”, этой акцией они помогут поднять „и пролетариев других стран, и в особенности пролетариев Германии и Австрии, против их правительств”. В этих обстоятельствах „мы... считаем не только правом, но и долгом наших русских товарищей воспользоваться той возможностью проехать в Россию, которая им представляется”<sup>82</sup>.

## V

Исходным пунктом при освещении поездки Ленина может служить вопрос: был ли вагон действительно „пломбированным”? Имеющиеся сведения представляются противоречивыми. В переданном Платтенем немецкому послу экземпляре условий поездки Ленина речь идет „о постоянно запечатом вагоне”<sup>83</sup>. Платтен в публикации 8 мая 1917 г. в газете „Цюрихер пост” указывает, что утверждение, будто вагоны, в которых ехали революционеры, „были plombированы и окна зашторены, — вымысел”. С другой стороны, позже в своих записках он замечает, что „три наших вагонных двери были запломбированы и только четвертая, задняя”, могла открываться, дабы сам Платтен и немецкий сопровождающий персонал могли выходить из вагона<sup>84</sup>. Но представление о „пломбированном вагоне” — как на это указывает Троцкий<sup>85</sup> — объяснимо еще и предоставлением вагону экстерриториальности. Наглядно эта экстерриториальность была обозначена (исключая „нейтральную зону”) меловой чертой по полу коридора, которая отделяла территорию, занятую немецкой группой сопровождения, от территории, на которой находились русские революционеры<sup>86</sup>. Кроме того, в этой связи нельзя забывать о том, что соглашением запрещалось контролиро-

вать как самих едущих, так и их паспорта, что багаж ехавших был „запломбирован” и доступ в этот вагон никому не был разрешен<sup>87</sup>.

При отъезде революционеров из Цюриха атмосфера была очень возбужденной. В донесении одного из немецких агентов, который при этом присутствовал, подчеркивается, что и здесь „с привычной несдержанностью” проявился „раскол в рабочих партиях всех стран”<sup>88</sup>. Развал II Интернационала, начавшийся в августе 1914 года, бурные споры социалистов различных направлений („Защитники Отечества”, „Центристы”, „Интернационалисты”) — все это нашло свое проявление и при отъезде Ленина. В пылу страстей политические противники отъезжающих обзывают их „провокаторами, подлецами, свиньями”<sup>89</sup>.

В пути немецкая сторона дважды пытается установить связь с революционерами. Сначала уже известный нам представитель профсоюзов Вильгельм Янсон пытается приветствовать эмигрантов от имени Карла Легина и немецких профсоюзов. Его стремление вступить в разговор с едущими вызывает у них „взрыв веселья”. Исходя из политических соображений, они решают: поскольку известно, что Янсон с августа 1914 года проводит „политику гражданского мира”, на его приветствие, переданное через Платтена, не только не отвечать, но и самого его не принимать<sup>90</sup>. По вполне понятной причине личной заинтересованности Ленин строго придерживается условий поездки. В данном случае его представления совпадают с точкой зрения посла Ромберга, который еще перед выездом высказался против сопровождения революционеров Янсоном, основываясь на том, что из-за этого может возникнуть компрометация<sup>91</sup>. Платтен объясняет Янсону положение дела, и тот после этого отказывается от встречи с эмигрантами<sup>92</sup>.

Вторую попытку вступить в связь с едущими предпринимает лично Парвус-Гельфанд после того, как это было обговорено с руководителями немецкого „социалистического большинства”<sup>93</sup>, а также с согласия Министерства иностранных дел<sup>94</sup>. Он собирается встретиться с Лениным на шведской земле и через одного общего товарища сообщает ему: „Сейчас прежде всего нужен мир; следовательно, нужны условия для мира, что намеревается он (Ленин) делать”<sup>95</sup>. Но Ленин категорически отказывается встретиться с Парвусом-Гельфандом, которого он осуждает как „архишовиниста”. Большевистский вождь отвечает лишь одно: он не занимается дипломатией, его дело — социальная революционная агитация. Пар-

вус в состоянии раздражения поручает одному из посредников передать свое возражение, из которого видно, как мало понимает он суть ленинской природы: „Скажите Ленину — пускай он только агитирует, но если для него не существует государственной политики, то он станет безвольным орудием в моих руках”<sup>96</sup>.

Но Ленин и тут последовательно проводит свою линию. Он полностью отдает себе отчет, чего в будущем ожидают от него и его группы немцы. Он, вероятно, примерно так тогда думал о словах своих „интернациональных” товарищей, высказанных ими в „Заявлении” от 7 апреля по поводу его отъезда: „Если бы Карл Либкнехт был сейчас в России, Милюковы выпустили бы его в Германию; Бетман-Гольвеги выпускают вас, русских интернационалистов, в Россию. Ваше дело — ехать в Россию и бороться там и с германским, и с русским империализмом”<sup>97</sup>.

Но подобный ход мыслей был в то время чужд немецким службам. Они были прежде всего заняты тем, чтобы внимательно проследить за отдельными этапами поездки, и заинтересованы в том, чтобы „все удалось как нельзя лучше”. Для них желательно, чтобы поездка прошла быстро и беспрепятственно. Поэтому поезду с эмигрантами, как „важному дипломатическому транспорту”, повсюду предоставляется предпочтительное право проезда. Это пришлось испытать и самому немецкому кронпринцу, чей поезд почти два часа ожидал в Галле, пока будет пропущен транспорт с Лениным и его группой<sup>98</sup>.

Теперь и кайзер Вильгельм II, хотя уже в конце событий, подключается к делу. 11 апреля „во время завтрака” (как об этом рассказывает представитель Министерства иностранных дел при Генеральном штабе) Вильгельм поставил вопрос о том, чтобы едущих через Германию революционеров «снабдить „Белыми книгами” и подобными изданиями, например, оттисками Пасхального послания и речи канцлера, с тем чтобы они могли ими воспользоваться для разъяснительной работы на своей родине». По его мнению, следует также за предоставленный эмигрантам проезд в Россию дать им поручение, в качестве ответной услуги, выступать на родине за немедленное заключение мира. Разумеется, кайзер связывает с разрешением на проезд также и вопрос об освобождении Россией интернированных немцев; и все же во всем комплексе вопросов обмен на интернированных играет второстепенную роль.

Генеральный штаб и далее продолжает проявлять интерес к поездке Ленина; он заявляет, что был бы готов — „на тот случай, если бы едущим русским был запрещен въезд в Шве-

цию”, — переправить их в Россию через немецкие линии фронта<sup>99</sup>. Но шведское правительство уже 11 апреля заявило о своем согласии на проезд эмигрантов.

Во время переправы через Балтийское море все же возникает „неожиданный казус” — Ленина вдруг заставляют заполнить подробную анкету, которая обычно предлагается шведскими властями иностранцам. Ленин и его группа начали уже подозревать, что немцы заманили их в западню. Но тут выяснилось, что все это лишь чистая формальность<sup>100</sup>. Большевикский посредник Ленина (а также Парвус-Гельфанда) в Стокгольме Фюрстенберг-Ганецкий наряду с немецкими службами хорошо подготовил и все дальнейшее. Ленин и его спутники, никем не тревожимые, едут через Швецию и дальше через Торнео в Финляндию.

В Мальмё прибывшие на встречу с Лениным русские революционеры заявили, что „безусловно необходимо иметь в распоряжении возможно большее число выдающихся агитаторов, чтобы противодействовать усилиям Милюкова и Гучкова, направленным на продолжение войны”<sup>101</sup>.

Вечером 16 апреля 1917 г. Ленин со своей группой прибывает на Финляндский вокзал в Петербурге, где его восторженно приветствуют рабочие массы. Немецкий агент сообщает об этом событии и добавляет, что Ленина от финской границы до Петербурга сопровождали два английских офицера. Однако в самой столице „народ освободил прибывших от нежелательного сопровождения”<sup>102</sup>. Платтена, напротив, на русско-финской границе английский офицер задержал<sup>103</sup>.

Не прошло и недели после прибытия Ленина, как он шлет в Цюрих друзьям по партии свой отчет о поездке. В нем он подчеркивает, что немцы „обращались очень корректно” и „точно выполнили” все условия, согласованные перед поездкой. В вагон эмигрантов ни разу не входил даже проводник<sup>104</sup>. Платтен также после своего возвращения высказывает признательность послу Ромбергу и благодарит „от имени русских за проявленную предупредительность”. Поездка „протекала превосходно”, к тому же Ленину и его приверженцам была устроена блестящая встреча в Петербурге. „Вполне можно сказать, — добавляет Платтен, — что за ним, Лениным, — три четверти петербургских рабочих”. Используя удобный случай, швейцарский социалист ходатайствует о разрешении на проезд на тех же условиях, что и ленинской группы, и для других революционеров, находящихся в Швейцарии: „Во всяком случае крайне необходимо, путем пополнения из-за границы, умножить число безусловных друзей мира... И в самой

Германии проживали некоторые русские революционеры, отправка которых в Россию могла бы быть весьма целесообразной”<sup>105</sup>.

Окидывая взглядом характер описываемых событий, начиная от первых дней Февральской революции и до приезда Ленина в Петербург, нельзя не заметить стремительного хода их развития: это обусловлено настоятельным желанием как немецкого правительства, так и революционеров добиться продвижения к цели возможно быстрее. Политико-дипломатические и технические приготовления заняли всего около трех недель. Кульминацией переговоров представляются первые дни апреля, когда обе стороны пришли к взаимному пониманию. Сама поездка длилась не более недели.

## VI

В связи со всем сказанным невольно напрашивается вопрос: неужели немецкие ответственные службы не отдавали себе отчета, что взаимодействие с большевиками было подобно игре с огнем? Действительно ли господствовала вера, что кайзеровская Германия могла бы вступить в союз с представителями русской социальной революции, не будучи сама в один прекрасный день охвачена такой же революцией?

Немецкие документы не содержат никаких сведений о подобных соображениях со стороны ответственных правительственных служб. Документы дают все основания полагать, что эти службы вряд ли обстоятельно занимались теорией и практикой большевизма или просто учитывали характер самого Ленина и его идей.

Основополагающие воззрения немецкой политики проистекают скорее из некоего ошибочного расчета, из обусловленности сиюминутностью обстоятельств: прежде всего должна быть выиграна война или, как минимум, достигнут мир на Востоке; что же произойдет *потом* — сейчас не время вдаваться в споры. Большевики, пожалуй, в состоянии привести к быстрому заключению сепаратного германо-русского мирного договора и этим действительно перечеркнуть планы Антанты на Востоке. Ллойд Джордж следующими словами описывал подобный образ мышления: „Исключительно трудно быть дальновидным в ходе войны. Кругозор ограничен единственной заботой о победе. Для государственных мужей, куцым глазом рассматривающих положение дел с целью воспользоваться сиюминутным преимуществом, хорошим уро-

ком может стать возможное в будущем несчастье, не принятое ими во внимание, но которое может произрасти из этого временного успеха”<sup>106</sup>.

Но так как у немецкой стороны, кроме „сиюминутной” концепции никакой иной, выходящей за ее рамки, не было, и рассматривалась лишь техническая сторона событий, то и проявилась та существенная черта, которую нельзя не заметить и в ходе второй мировой войны, — вступила в действие влиятельная бюрократия. Для нее главное — чтобы все шло „надлежащим порядком”. Вопросы „почему?” и „с какой целью?” отступают на задний план.

Поездка Ленина — сколь бы драматическими не казались нам, ныне живущим, ее дальнейшие последствия — происходит в высшей степени спокойно, почти „прозаически”, вполне в стиле „деловых буден”: в ней нет ничего необычного, нет и следа какой-либо „романтики”. И все же главной предпосылкой для осуществления всемирно-исторического события как раз и оказались все эти, как будто бы „незначительные” эпизоды, в которых проявилась немецкая „пунктуальность” и „аккуратность”: вот Платтен своевременно получает визы, вот уже предоставлены D-вагоны, команда сопровождения под началом надлежащего офицера уже на месте, вовремя выхлопотано разрешение шведского правительства на пропуск через страну, и вот транспорт с эмигрантами может следовать дальше без всякого промедления, словом, все идет „без осложнений”.

„Без осложнений” — это означает, что ради осуществления особых немецких интересов должен быть „заброшен десант”, состоящий из революционеров, которые с самого начала „избираются” для этих целей. „В путь двинутся только такие русские, — гласит одна из более поздних телеграмм военных органов, — которые станут добиваться мира”<sup>107</sup>.

Эти рассуждения подводят нас к вопросу о том, кто же несет ответственность за поездку Ленина. Но именно исследованием немецких документов доказывается, что едва ли тут речь может идти об отдельной личности.

Правда, сама идея поездки Ленина в Россию через Германию исходит от немецкого социалиста русского происхождения, представителя „социалистического большинства” Парвус-Гельфанда. Она соответствовала концепции графа Брокдорф-Ранцау о немецкой политике в будущем в отношении России. Именно благодаря ему эта мысль получает возможность быть реализованной. Предложение Парвус-Гельфанда достигает рейхсканцлера фон Бетман-Гольвега. Депутат Эрцбергер, а также представитель Министерства иностранных дел

Мальтцан действуют тоже как посредники. Рейхсканцлер, который и без того идет навстречу СДПГ, подхватывает идею, и вскоре уже сам занимается ее осуществлением. Он обязывает Министерство иностранных дел в Берлине во взаимодействии с немецкими послами в нейтральных странах, то есть в Берне, Копенгагене и Стокгольме, подготовить поездку Ленина: во-первых, через установление связей с самими революционерами, во-вторых, посредством дипломатически-политической подготовки этой поездки.

При этом на первый план выходит немецкий посол в Берне барон фон Ромберг. Он постоянно держит в курсе рейхсканцлера или Министерство иностранных дел, вносит предложения и делает все от него зависящее, чтобы замысел был осуществлен. Хотя он облечен лишь исполнительной властью, Ромберг — один из тех людей, кто богато одарен инициативой, что прежде всего проявилось при осуществлении поездки Ленина и в техническом ее отношении, и особенно в том, что касалось непосредственно личности Ленина. Благодаря хорошим отношениям с федеральным советником Гофманом из Политического департамента в Берне ему удалось действовать быстро и успешно.

Наряду с ним самостоятельно действует и Парвус-Гельфанд. Ему недостаточно лишь довести до сведения рейхсканцлера идею проезда Ленина; в процесс подготовки поездки он включается через своего агента Георга Склярца, поддерживает связь с большевистским доверенным лицом Фюрстенбергом-Ганецким в Стокгольме и ищет затем (хотя и тщетно) встречи с Лениным при его проезде через Швецию, намереваясь иметь личную с ним беседу. О разрешении на проезд для Ленина ходатайствует также и представитель „социалистического большинства” д-р Адольф Мюллер (Мюнхен), который в начале 1917 года активизирует свои усилия в Швеции<sup>108</sup>.

Наконец, поездке Ленина стремится содействовать и представитель немецких профсоюзов Вильгельм Янсон. Однако достоверно известно, что помощь его была незначительной.

С просьбой о разрешении на проезд Ленина обратилось к Верховному главнокомандованию и Министерство иностранных дел; оно просит к тому же назвать имя офицера, подходящего для сопровождения транспорта. Тем самым был подключен и генерал Людендорф. Он, со своей стороны, поручает Отделу III в в представительстве Генерального штаба в Берлине (контрразведка, паспортный центр) техническую подготовку и осуществление проезда поезда с эмигрантами, а также утверждает военного руководителя транспорта. В хо-



де этих приготовлений Министерство иностранных дел добивается согласия Швеции на проезд революционеров.

Итак, реальная картина в целом такова: с немецкой стороны в этом важном деле в совместных действиях постоянно участвуют представители „социалистического большинства”, рейхсканцлер, Министерство иностранных дел и Верховное главнокомандование в единении с немецкими профсоюзами. Верховное главнокомандование, занимая ключевую позицию всесильного исполнительного органа, организует детальное проведение транспорта, во всем же прочем, однако, подчиняется политическому руководству. Этот „поворот” в отношениях между политическим руководством и военным командованием становится очевидным после начала Февральской революции. Политику Бетман-Гольвега по-прежнему определяет большое стремление к скорейшему заключению сепаратного мира с Россией. В этом пункте его поддерживает также „социалистическое большинство”. Верховное главнокомандование не может в данных обстоятельствах не содействовать политике, обещающей облегчение Восточному фронту<sup>109</sup>. Именно это, а не что-либо иное, означают слова Людендорфа: „Военное руководство следует пожеланиям политики — дать вырваться условиям в России. Еще до того, как произошел обмен мнениями по этому вопросу между политическими и военными руководителями, главнокомандующий Восточным фронтом добился неожиданно большого успеха под Стоходом. По просьбе рейхсканцлера Верховное главнокомандование пошло даже столь далеко, что постаралось в известной мере притушить этот успех”<sup>110</sup>.

Во всем этом деле с поездкой Ленина Людендорф предстает как фигура, „стоящая в стороне”, но, однако, имеющая особый вес. Он не причастен ни к идее этой поездки, ни к ведению конкретных переговоров о ней с революционерами. Людендорф — до мозга костей военный специалист, который прежде всего принимает в расчет вооруженные силы, возможность их применения. Политику он, разумеется, во все большей степени подчиняет чисто военным целям. Но в данном случае политическое и военное руководство проявили исключительное единство. Людендорф узнает, что Ленин должен принести скорый мир на Востоке, а это для Людендорфа означает высвобождение дивизий для Западного фронта. Сама идея его вполне устраивает. А что в действительности представляет собой Ленин и каковы на самом деле его намерения — это Людендорфа не занимает. Он со всей откровенностью по этому поводу высказался в октябре 1937 года: „Я должен раз и на-

всегда ясно сказать — ни о Ленине, ни о Кинтале я не имел никакого понятия. Об этом транспорте я был поставлен в известность имперским руководством, кажется, Министерством иностранных дел, лишь постольку, поскольку выдачей паспортов по тогдашней структуре армии ведали Представительство Генерального штаба в Берлине или Отдел III b. В этом деле они следовали исключительно лишь указаниям руководства империи. Меня же только спросили: имею ли я что-либо возразить против этого. Возражений у меня не было, так как правительство империи отметило при этом, что, благодаря ослаблению России изнутри, появятся шансы на более приемлемые условия мира”<sup>111</sup>.

Возникающая из немецких документов подлинная картина событий согласуется в основном со свидетельствами Людендорфа. Генерал практически превратился в „инструмент” Министерства иностранных дел, кроме того, немецкого „социалистического большинства” и, наконец, большевистских революционеров. И все-таки он занимает важную ключевую позицию: в первую очередь его распоряжения, связанные с установлением Генштабом технического регламента для этого транспорта, сделали возможным осуществление проекта поездки. Именно поэтому Людендорф „ответствен вместе с другими”. То, что генерал участвовал в одобрении предполагаемого проезда революционеров, а также заботился о том, чтобы поездка в действительности состоялась и, к тому же выразил готовность в крайнем случае пропустить эмигрантов в Россию через немецкую линию фронта, — все это, вместе взятое, и по сегодня связывает его имя с „пломбированным” вагоном Ленина.

Как явствует из документов или из существующих на сегодняшний день мемуаров, политическое руководство тоже мало задумывалось над вопросом о последствиях и осложнениях, тающихся в поездке Ленина. В них нет и намек на то, что возможность революционной опасности для самой Германии стала следствием действий тех самых людей, которые тогда проехали через ее территорию<sup>112</sup>. Берется в расчет лишь дальнейшая революционизация России, которая пойдет на пользу Германии в военном отношении, и, однако, совсем не принимается всерьез идея всемирной революции (хотя она достаточно известна как из письменных, так и из устных высказываний революционеров). Сколь мало и в дальнейшем ответственные деятели немецкой политики понимали действительные целевые установки Ленина, свидетельствует, например, содержание письма Министерства иностранных дел от 10 августа 1917 г. послу фон Ромбергу: ему следовало бы способ-

ствовать „пересылке как можно большего числа изданных в Швейцарии и России сочинений, особенно принадлежащих ленинской группе”, „с целью распространения” их среди находящихся в Гааге (Голландия) „русских беженцев”<sup>113</sup>.

Германия со всей очевидностью борется за свое существование, и в тот момент ей представляется, что пригодно любое средство; и без того ведь в августе 1914 года солидарность монархий была разрушена и с отречением царя окончательно утратила силу. Виктору Науману роковым образом видятся открытыми все шлюзы. В письме к графу Гертлингу от 29 марта 1917 г. он излагает свою точку зрения в следующих выражениях: „Мне нет необходимости говорить вашему превосходительству, что я сам роялист, и чисто по-человечески судьба царской фамилии меня огорчает до глубины души, так же как и исторические раздумья о том, что революция в одной стране может найти преемственность и в других. Но понимание того, что дело идет о Германии и ее существовании, заставило все отступить на задний план, и мы совершаем кощунство, если мысли наши занимает что-либо иное”<sup>114</sup>.

И все же все усилия Германии в отношении поездки Ленина остались бы тщетными, не будь деятельного соучастия Швейцарии, то есть ее Политического департамента в лице федерального советника Гофмана и швейцарских социалистов, в особенности Роберта Гримма и Фрица Платтена. Швейцария, которая прежде предоставила русским революционерам право на убежище, теперь дала им разрешение на проезд<sup>115</sup>. И Швеция тоже содействовала поездке Ленина, выдав незамедлительно разрешение на его проезд и отказавшись от скрупулезной проверки большевистского вождя, осуществляемой обычно путем заполнения анкеты для иностранцев.

Антанта, напротив, была готова пропустить через союзные страны только таких революционеров, которые выступали за продолжение войны<sup>116</sup>, то есть за дальнейшее выполнение союзнических обязательств, тем более, что вооруженные силы Соединенных Штатов еще не могли активно действовать в Европе. Ленин же был широко известен как противник войны; он и его приверженцы едва ли могли рассчитывать на то, что союзники разрешат им проезд. На кого же, как не на Германию, которая была расположена ближе всего, оставалось им обратить взоры?

Какие же интересы так совместились, что столь разные партнеры — от Ленина до Людендорфа, от Парвуса до Бетман-Гольвега, от Платтена в Цюрихе до Ганецкого в Стокгольме — объединились для достижения единой цели: сидящего в Цюрихе на Шпигельгассе революционера, выступающего за все-

мирную революцию, выпустить, как джинна из бутылки? Ответ дает тот факт, что *все участники стремятся к миру*. Выказывание барона Хеннета<sup>117</sup>, австро-венгерского дипломата в Берне, жившего там во время переговоров немецкого посольства с русскими революционерами, является наиболее ярким свидетельством немецких настроений: «Вся эта история точно характеризуется словами одного из здешних дипломатов, который занимался данной поездкой: „Офицер, происходящий из старейшего прусского рода, должен быть придан в качестве почетного сопровождающего этому русскому революционному сброду, высылаемому в Россию, но обхаживаемому в настоящий момент с единственной надеждой в какой-то мере ускорить заключение мира — таково положение вещей”»<sup>118</sup>.

Не меньшую потребность в мире испытывала и Швейцария: небольшая страна, она была кругом обложена воюющими державами и практически зависима от них. И в ней в возрастающих размерах дает себя знать бедственное положение в экономике; и в ней ощущают страдания и нищету народы, охваченные войной<sup>119</sup>. Исходя из этого, для внешнеполитического руководства страны было само собой разумеющимся принять любую вырисовывающуюся возможность мира. „Федеральный советник Гофман, — пишет Роберт Гримм, — связывал с русской революцией надежды на скорое окончание войны, на более быстрое достижение мира и, тем самым, на облегчение положения Швейцарии. Он говорил мне это с глазу на глаз совершенно откровенно. Его интересы были связаны исключительно со Швейцарией, но отнюдь не с какой-либо из воюющих стран”<sup>120</sup>. В подобных обстоятельствах находится и нейтральная Швеция; ее независимости и экономическому благополучию также угрожает затяжка войны<sup>121</sup>.

Разумеется, в этой связи немецко-большевистские отношения постоянно находятся на первом плане. И тут достаточно актуальным становится вопрос: кто кого в этих „взаимных отношениях” использует в качестве „средства” для достижения своих целей?

Немецкая сторона предприняла транспортировку Ленина в рамках широкой мирной акции, в которой играли некоторую роль также Роберт Гримм и Вилли Мюнценберг<sup>122</sup>. Для немецкой политики речь при этом идет лишь о видимости уступок в отношении революционеров. Подлинная заинтересованность Германии в этой транспортировке, разумеется, маскировалась формулой обмена русских эмигрантов, находив-

шихся в Швейцарии, на интернированных в России немцев и австрийцев. Поездка Ленина — это „ответный ход” немцев на вступление в войну Соединенных Штатов, военную политику Антанты и на отсутствие готовности к миру Временного правительства России. Исключительно метко с военной точки зрения представления немцев о „задаче” ленинского транспорта обрисовал Людендорф: Верховному главнокомандованию армии „требовалось для продолжения операций окончательное ослабление России и мир на Востоке. Революция до сих пор не принесла ни того, ни другого. Чем основательнее была бы ослаблена Россия, чем скорее Верховное главнокомандование армии достигло бы мира на Востоке при сохранении собственных сил, тем это было бы благоприятнее для хода войны”<sup>124</sup>. Еще выразительнее эту мысль высказал генерал-майор Макс Гофман: „В войне с Россией мы, немцы, имеем несомненное право усилить в их стране и в войсках волнения, поскольку русская революция не принесла мира, как это вначале декларировалось. Так же, как я гранатами забрасываю вражеские окопы, как направляю на них отравляющие газы, я точно так же имею право применять против вражеских сил средства пропаганды”<sup>125</sup>.

С другой стороны, принимая немецкое предложение о поездке, Ленин точно знает, что делает; он насквозь видит также настоящую подоплеку немецкой предупредительности<sup>126</sup>. Очень ценно для понимания его позиции замечание Платена о том, что над взглядами немецкого правительства (при наличии „интернационалистов” в России будет выгодным Германии) в кругах эмигрантов лишь смеялись<sup>127</sup>.

Для Ленина, стремящегося изо всех сил дать толчок большевистской мировой революции, решающим является как можно скорее достичь России; то, что эту возможность предлагает ему противник, „классовый враг”, для него как раз никакой роли не играет. Вот почему большевистский вождь изъявляет готовность принять немецкое предложение, однако при этом ничем и ни в какой форме себя не связывая. Даже путевые расходы революционеры оплачивают из собственных средств<sup>128</sup>. Слова Троцкого примерно так характеризуют взаимоотношение обоих партнеров: позволить группе русских революционеров проезд через Германию — это была „авантюра” Людендорфа, обусловленная тяжелым военным положением Германии. „Ленин использует расчет Людендорфа, имея при этом свой собственный расчет. Людендорф размышлял про себя: Ленин свергнет патриотов, тогда приду я и задушу Ленина и его друзей. Ленин же размышлял про себя:

я поеду в железнодорожном вагоне Людендорфа и заплачу́ ему за эту услугу на свой лад”<sup>129</sup>.

Немцы пока еще не научились достаточно гибко мыслить, подобно русским, категориями всеобщей мировой революции<sup>130</sup>. Поэтому их прогноз должен был стать полностью несостоятельным. В донесении, переданном 17 апреля 1917 г. из Берлина Представительством Генерального штаба в Берлине Верховному главнокомандованию, сообщается: „Въезд Ленина в Россию удался. Он действует в полном соответствии с тем, к чему стремится”. Заключение запоздалого мира в Брест-Литовске может служить как бы подтверждением некоторых надежд Германии.

Неудовольствие Временного правительства по поводу прибытия Ленина проявляется весьма отчетливо<sup>131</sup>. Приезд большевистского вождя воспринимается „как тяжелейшее испытание, какое только может выпасть на долю русской революции”<sup>132</sup>.

Представители Англии боятся самого Ленина „как хорошего организатора и исключительно опасного человека” — так об этом говорится в одном из докладов британского посла Бьюкенена<sup>133</sup>. Немецкие политики, кроме того, могут поставить себе в заслугу транспортировку Ленина постольку, поскольку Антанте не удалось этому воспрепятствовать. Правда, союзники высказывали соображения на тот счет, нельзя ли с помощью шведских органов власти „задержать при проезде” „архиревolucionера”, как называет его лорд Говард Панритч. Но в конце концов от этого пришлось отказаться по соображениям, которые, например, лорд Говард преподносит так: „Как будто есть надежда, что можно овладеть ухудшающейся ситуацией. Но действительность пока такова, что в России происходит революция и нам лучше не вмешиваться в вопросы, в которых мы практически полные невежды”<sup>134</sup>. Что оставалось союзникам — так это лишь действенная пропаганда против Ленина как предателя, что уже и было предпринято Бьюкененом<sup>135</sup>.

Однако прибытие Ленина в Петербург практически означало для немцев хоть и не столь значительный, но все же успех. «Перевозка „груза” необычайной взрывной силы» (Троцкий) не смогла предотвратить крушения кайзеровской империи, но и большевиков, пришедших к государственной власти, не заставила осознать необходимость остановиться у границ Германии.

Поездка Ленина является „первым шагом” к великому повороту в русской революции от буржуазно-либеральной в начальной ее фазе к большевистско-пролетарской — в заключитель-

ной; большевистскому вождю она позволила *своевременно* вмешаться в ход революции и „интенсифицировать” ее в соответствии с собственным пониманием. Только с приездом Ленина в Петербург, уверенного в своем успехе, что отмечал и Платтен во время поездки<sup>136</sup>, „большевистская партия начинает говорить полным и, что еще важнее, собственным голосом”<sup>137</sup>.

Поездка Ленина осуществлялась как особая акция в рамках всеобщего стремления большинства русских эмигрантов в Швейцарии вернуться домой в Россию через Германию. Ленин первым пробил брешь; тем самым он указал путь широкой массе остальных революционеров, которые на первых порах, опасаясь возможной компрометации, вопреки всем планам подобного рода, еще не решались ехать через Германию.

После „прорыва дамбы” Лениным к немецкому правительству начинают обращаться новые группы революционеров с просьбой разрешить им проезд через Германию на тех же условиях, что были предоставлены ленинской группе<sup>138</sup>. Революционеры с выгодой используют теперь соперничество ведущих войну держав: Антанта в „ответ” на удачливую немецко-ленинскую акцию в тот момент, в свою очередь, прямо-таки навязывает революционерам проезд через союзную территорию<sup>139</sup>. Одна сторона стремится теперь превзойти другую.

Русские, всего несколько недель спустя после поездки Ленина, обосновывают немцам свою позицию так: „Теперь, когда Англия разрешает проезд всем, осторожность повелевает, чтобы Германия по легкомыслию не растеряла завоеванных симпатий. В этих целях... необходимо, чтобы Германия и теперь действовала так же, то есть разрешала бы проезд каждому, кто бы об этом ни ходатайствовал”<sup>140</sup>.

Шлюзы открыты. Освобожденные революционные силы эмигрантов устремляются через них будто бурный поток, чтобы воссоединиться с революционными элементами в России. Так, в течение мая и июня 1917 года пересекают немецкую границу два следующих эмигрантских транспорта, в них едут более 400 человек. В том числе ведущие революционеры различных направлений, например Мартов, Аксельрод, Мануильский, Бобров, Луначарский и госпожа Балабанова<sup>141</sup>. Даже из Болгарии и Брюсселя едут через Германию, как, скажем, известный большевик Семашко<sup>142</sup>. Поездкой Ленина завершается „швейцарская фаза” русской революции, которая теперь идет к завершению в родной стране.

Было бы упрощенным и поверхностным подходить ко всему комплексу проблем, связанных с поездкой Ленина,

ставя только „вопрос вины”. Двойственность события — причем всемирная история остается как будто на втором плане — породила также двойственность и суждения о нем.

С точки зрения Германии, поездка Ленина — в связи с развитием немецко-русских взаимоотношений — является началом *невольного* содействия немецкой политики большевистской России. Однако перспективу происходившего нельзя представлять упрощенно: Шейдеман был не так уж далек от истины, полагая, что „умно составленный план” — та самая подмога большевикам при захвате власти — именно из-за „тупости” немецких участников на мирных переговорах в Брест-Литовске свелся на нет<sup>143</sup>. Всегда, как это было в 1918, в 1941 и в последующие годы, когда немецкая политика объединяла в *единый* фронт национального самоутверждения русских патриотов всех идейных направлений, во всех этих случаях приходится говорить о просчетах самой немецкой политики. Однако решение в Рапалло, которое по меньшей мере было вынужденным, не вписывается в такую простую взаимосвязь.

И все же следует обратиться к гегелевской мысли о двуклости, о „лукавстве разума”. „Частное, — говорит Гегель в своей „Философии всемирной истории”, — в большинстве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель”. Применительно к поездке большевистского вождя сказанное Гегелем можно было бы толковать примерно так: мерилом тут является совершение и завершение революции. Революция заставила эту поездку служить собственной цели — ей безразлично, что при этом будет разрушено, или кто при этом погибнет: падет ли германский кайзеровский рейх, сметен ли будет Людендорф, позже в советском исправительно-трудовом лагере погибнет как жертва сталинизма Фриц Платтен, а самому Ленину будет отпущено для его деятельности всего несколько коротких лет.

Но если бы мы хотели дать оценку событию, то Гегель, собственно, уже ее предвосхитил: „...во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получают еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения... что в непосредственном действии может



заключаться нечто дальнейшее, чего не было в намерениях и сознании действующей личности”.

В предлагаемой книге впервые опубликованные документы поделены на две группы: в каждой из них они расположены в хронологическом порядке. Техническое оформление издания осуществлялось в основном в соответствии с публикацией Г. Мейера „Политические документы в Министерстве иностранных дел Германии” (1920 г.). В каждом случае отмечалось, публикуются ли документы по оригиналу, фотокопии или по микрофильмам.

В настоящее время эти немецкие документы находятся в распоряжении Министерства иностранных дел Великобритании и связанного с ним Государственного архивного управления в Лондоне, где они и хранятся (British Foreign Office. Public Record Office, London). Найденные документы дают возможность во всех подробностях пережить событие всемирно-исторического значения, позволяют подвергнуть анализу большие политико-стратегические взаимосвязи и в то же время проясняют такие детали, например, как происходило „снабжение довольствием на марше”. По этой причине настоящее издание подготовлено на более широком базисе.

Справочный аппарат был составлен критически и обстоятельно. Такой подход представляется более оправданным, так как соответствующие документы непосредственно или косвенно участвовавших стран (Швейцария, Швеция, Великобритания, Советский Союз) или не разрешались для исторического изучения<sup>144</sup>, или публиковались лишь спорадически<sup>145</sup>.